

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 9(470) «18»

РУССКИЙ СОЛДАТ В БАЛКАНСКОМ КРИЗИСЕ СЕРЕДИНЫ 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsa@mail.ru

В статье рассматривается облик русского солдата в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Вскрываются недостатки русской армии, а также дается описание мобилизационного развертывания, хозяйственного содержания русских армейских частей, проводятся исторические параллели между Россией и странами Балканского полуострова.

Ключевые слова: Балканский полуостров, действующая армия, военные корреспонденты, ставка главнокомандующего.

Russian Soldier in the Balkan Crisis of the mid-70-ies. the XIX Century

S. A. Kochukov

The article is devoted to the image of Russian soldier in the Russian-Turkish war in 1877–1878. The disadvantages of the Russian army, as well as the mobilization deployment, the economic content of the detachment. Also there are historical parallels between Russia and the countries of the Balkan peninsula.

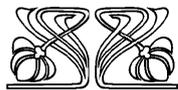
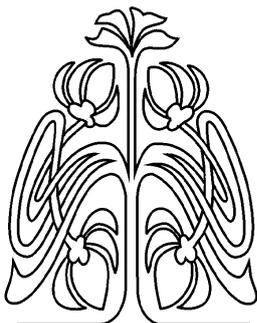
Key words: Balkan peninsula, current army, war correspondents, rate of the commander-in-chief.

После проводимых в России военных реформ в 60–70-х гг. XIX в. русская армия подошла к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в несколько обновленном виде. Это было заметно в первую очередь по значительному увеличению количества обученного резерва, что обеспечила новая система комплектования армии. Согласно штабной росписи по штатам мирного времени на 1876 г. численность русской армии составляла 72 123 человека, в случае войны предполагалось призвать еще 752 305 человек¹. Однако столь внушительные цифры были только на бумаге, так как численность резерва составляла всего 517 941 человек².

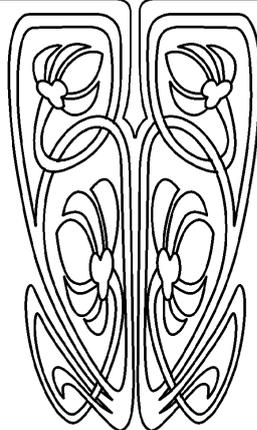
Тем не менее так называемая обновленная русская армия имела много схожих черт с вооруженными силами России периода Крымской войны. Это было заметно главным образом по низкому уровню боевой подготовки, так как все обучение сводилось лишь к строевым упражнениям. Учить солдат видению боевых действий считалось нецелесообразным.

Даже в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в войсках больше внимания уделялось проведению смотров и парадов, а не боевой подготовке, чего требовал новый милютинский военно-полевой устав³. Показателен еще и тот факт, что русские войска не имели общеобязательной боевой инструкции с правилами объединенных учений пехоты и артиллерии⁴.

Параллельно с сокращением срока службы ослабляется и ее тяжесть: телесные наказания, процветавшие в николаевской армии, были, по крайней мере юридически, сведены до минимума еще в 1863 г. «Зуботычина» и после этого, конечно, сохранялась: кроме художественного свидетельства В. М. Гаршина⁵, существование ее еще и в более позднее время официально засвидетельствовано приказом генерала М. И. Драгомирова, который начинался словами: «В некоторых частях дерутся»⁶. Разница заключалась лишь в том, что теперь рядовой состав

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

русской армии подвергался телесным наказаниям не по закону, а по обычаю.

И, наконец, самая слабая сторона рядового состава русской армии – чрезвычайно низкий уровень грамотности. Но именно этот факт станет определяющим в отношении солдат к войне с Османской империей. По данным Генерального штаба, перед войной с Турцией умеющих читать и писать среди солдат русской армии было только 5%⁷. Такой низкий показатель определяется еще и тем, что сами офицеры не горели особым желанием прививать грамотность рядовому составу. Основная масса офицеров полагала, что «пушечному мясу» грамотность ни к чему, а солдатам при случае ничто не мешает быть завсегдаемыми кабаков и трактиров. Само понятие «воспитание рядового» для второй половины XIX в. совершенно не применимо. Дело в том, что при любом удобном случае офицеры старались свои воспитательные функции переложить на полкового священника, который не только вел церковные службы и отправлял требы, но и проводил один раз в две недели вечерние беседы с нижними чинами. Эти нерегулярные беседы и легли в основу формирования облика русского солдата в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., его отношения к войне и решению Балканской проблемы. Многие полковые офицеры были совершенно убеждены, что «беседы эти, имея целью устранить в солдате все дикое, грубое и укрепить все доброе, благородное, справедливое, будут прекрасным подспорьем для ротного командира в его стремлении направить и поддержать солдата на добром пути, и, бесспорно, беседы эти отразятся смягчением нравов казарменной жизни и уменьшением процента преступности»⁸. Встречи полкового священника с рядовыми в данном случае можно рассматривать и как своеобразную политинформацию, в процессе которой шла ненавязчивая агитация относительно службы. В доступной для солдат форме представлялась политическая обстановка, в данном случае на Балканском полуострове, развивалась идея о помощи «братушкам», которые были угнетаемы Турцией. Наконец, «... в дружеской беседе, живым образным языком, доступным пониманию солдата, священник развивал сознательную любовь к отечеству... давал разумное понятие о природе и ее явлениях, рассеивал бесчисленные суеверия и предрассудки»⁹.

Своеобразными носителями информации для солдат были их старшие товарищи. Дело в том, что на момент начала Русско-турецкой войны 1877–1878 г. в рядах русской армии находилось значительное число военнослужащих рядового состава, которые прошли еще Крымскую войну. Кроме того, в отношении Турции в русской армии выработалась своеобразная «привычка». Именно Османская империя рассматривалась солдатами как обязательный противник, любой турок воспринимался как естественный враг истинного христианина. Поэтому любой слух или известие

о готовящейся войне против Порты находили положительный отклик у рядового состава русской армии. Необходимо также отметить, что более 80% всех солдат русской армии понятия не имели о боевых возможностях Турции. На солдат распространялся такой же фактор «антиосманской моды», как и на остальную часть русского общества.

Однако агитация солдат не была пущена военным министерством на самотек. Еще в 40-х гг. XIX в. была разработана специальная программа, имевшая целью «содействовать умственному и нравственному самообразованию» нижних чинов. Для этой цели с 1847 г. в России начинают издаваться специальные журналы для солдат – «Чтение для солдат», «Солдатский собеседник» и «Солдатские сочинения». Но если в Крымской войне данная программа еще не проявила себя, то к Русско-турецкой 1877–1878 г. эти издания сделали свое дело. Высочайше утвержденной программой издания устанавливалось, что в них будут помещаться «как статьи оригинальные, так и заимствованные из всех русских книг и журналов, с применением статей к понятиям солдат». В результате последние получают возможность ознакомиться «с лучшими произведениями современной русской литературы». Первоначально эти журналы состояли из пяти разделов:

- 1) духовно-нравственного;
- 2) исторического;
- 3) научного;
- 4) повествовательного (в стихах и прозе);
- 5) «смеси».

Авторами в подобных изданиях очень часто выступали все те же солдаты.

Можно заметить своеобразную закономерность – в специальных журналах для солдат с 1875 г. значительно увеличивается количество материалов, касающихся предстоящей войны с Турцией. Все они, безусловно, носили вид своеобразной «агитки», и для того, чтобы рядовому составу был понятен предмет агитации, все это было представлено в виде своеобразных наставлений или писем. Показательным в этом отношении является письмо солдата к своему брату-новобранцу, в котором говорилось: «Во всяком данном тебе поручении или приказании заслуживай похвалу. Никакое дело не откладывай до завтра, если можешь сделать сегодня... Избегай дурных товарищей и не входи ни в какие беседы с ними; таких людей нужно опасаться, потому что через таких людей можно безвинно пострадать... При практических занятиях не скрывай от своего товарища ничего, что прежде его выучишь или узнаешь; но, напротив, постарайся и ему разъяснить то, что сам знаешь. Вверенные тебе казенные деньги или вещи береги пуше своих»¹⁰.

Однако, несмотря на подобные наставления, известие о начале боевых действий против Турции было для большинства солдат совершенно неожиданным. По воспоминаниям рядового л.-гв. Измайловского полка: «... спокойно потекла

счастливая жизнь, пока могучее, царское слово не перенесло неожиданно нас в Турцию – освобождать братьев-славян от тех притеснений, которые они терпели много лет от своих угнетателей-турок...»¹¹.

Идея, что русские солдаты идут на Балканы выполнять святое дело – освободить братьев по вере от турецкого ига – захватила буквально всех. Уже в ходе войны сформировалась официальная точка зрения, согласно которой русские солдаты шли выполнять свою историческую миссию – «спасти братушек» от турецкого ига. Действительно, такая позиция имела под собой реальное основание, так как сохранилось значительное количество исторических источников, которые подтверждают подобную точку зрения. Например, в одном из анонимных воспоминаний, посвященных войне, отмечено: «Кто из нас не помнит этого замечательного времени. Нет деревушки, которая не слышала бы о “добровольцах”; нет города, в котором толпы народа не провожали бы их с благословениями и пожеланиями. Помещик, мужик от сохи, отставной солдат, офицер – все потянулись на войну, где рядом с кровью братьев-сербов, лилась уже русская кровь»¹². В другом историческом источнике мемуарист указывает: «С какой завистью смотрели мы, бывало, когда из города отправлялись в Сербию добровольцы: мы сами были движимы этими чувствами – помочь нашему брату-болгарину и отомстить туркам за поруганный крест, за поруганную веру Христову; и вот, наконец, дождалась и мы пойдем туда, куда стремились добровольцы!»¹³. Из приведенных категоричных цитат может сложиться мнение, что не только в прогрессивном русском обществе, но и в солдатской среде возобладала настроенная поголовной помощи братьям-славянам.

У освободительной миссии была ещё и монархическая составляющая. Значительная часть русского общества была убеждена, что идея освобождения славян должна в первую очередь исходить от носителя верховной власти в России – императора Александра II¹⁴. А исполнителями в этом процессе должна быть та самая «серая скотина», которая блестяще проявит себя в войне на Балканском полуострове. Лучшего инструмента для достижения «исторического предназначения», чем рядовой русской армии, найти было невозможно, так как за ним укрепились такие качества, как «терпеливость, малая впечатлительность, безответная покорность приказу начальника, безответная преданность престолу, отечеству и вере предков»¹⁵. Все без исключения были уверены, что, даже умирая, русский солдат должен прежде всего думать о самодержце. Подобные заявления прослеживаются в первую очередь в русской прессе, в которой появилось большое количество произведений подобного толка. Характерным примером этого является произведение «В Поградимском госпитале»:

*Он умирал за родину,
За веру православную,
За батюшку-царя.
Он умирал, – неизвестный,
Один в чуждой стране...
Казак собрался с силами
И молвил он: «Царь-батюшка!
Одно мне только надобно:
Чтоб вы своею ручкою
Закрыли мне глаза...»¹⁶.*

Убежденность в том, что солдаты делают святое дело, отправляясь на войну, прослеживается буквально во всем¹⁷. Однако, независимо от великодержавных заявлений, многим было понятно, что война дело опасное и неизвестно чем она закончится для каждого: «... всякий солдат сознавал, что идет на великое дело; сочувствие выражалось со всех сторон и еще больше возбуждало рвение солдата. Сочувствие это не уменьшалось, когда мы выступали из столицы: масса народа провожала нас с криками “ура”, с пожеланием успеха. Но все-таки солдату было несколько тяжело: приходилось бросать свою семью без опоры; и не известно, приведет ли бог возвратиться...»¹⁸. Но психология солдата совершенно менялась после первого боя, после появления убитых и раненых: «Немного спустя, пришло известие о смерти наших товарищей; в присутствии всего полка была отслужена панихида, а потом мы все задумались – зачем мы здесь, зачем эти никому ненужные жертвы?»¹⁹.

На данном этапе развития Балканских событий отношение к войне офицеров и солдат было фактически одинаковым, но с одной лишь существенной разницей. Если офицеры видели в боевых действиях против Турции способ несколько отвлечься от наскучившей им армейской рутины, то солдаты осознавали войну как опасную работу, хотя на первых порах это было и не так заметно. Большинство из них понимало, что они выполняют волю царя и вынуждены быть верными присяге, но в чем именно заключается их «освободительная миссия» – это рядовым в основной массе было непонятно. Слова «освобождение несчастных от турецкого владычества» так и оставались для солдат лишь красивыми словами.

В Турции с отношением к войне с Россией обстояло сложнее. Во-первых, знаменитый мусульманский фанатизм фактически никак не проявлялся, а во-вторых, в Османской империи обнаружилась нехватка рядового состава. При этом эта проблема проявилась настолько, что турецкий генералитет вынужден был в порядке приказа призывать в свои вооруженные силы даже христиан²⁰.

С началом войны 1877–1878 гг. среди русского крестьянства – потенциальных солдат – стали высказываться идеи относительно того, что сражения с турками будут вестись по причине «земельной тесноты», и именно в это время стали циркулировать слухи о готовящейся новой земельной ре-

форме. А. Н. Энгельгардт в своих воспоминаниях отмечал: «Кончится война, будет ревизия и будут равнять землю. Так как толковали совершенно открыто и повсеместно, то понятно, что обо всех этих толках сделалось всем известно»²¹.

Тем не менее ситуация в России в отношении войны с Османской империей достигла такого накала, что антитурецкими настроениями оказались заражены все. На войну шли с видимой охотой не только офицеры, но и простые солдаты. Кроме того, само русское общество толкало солдат на войну. Везде, где были расквартированы части, отправляющиеся на Балканский полуостров или на Кавказ, им устраивали торжественные проводы. По свидетельству одного пехотного офицера: «После краткой речи нам предложили ужин: солдатам выдали по большому стакану водки, по кружке чаю с булкой и сигаре. После хорошего ужина с музыкой было выпито много шампанского и говорено много речей, после чего следовала масса пожатий рук. Солдатики наливались, разумеется, до невозможности и мы (офицеры. – С. К.) с трудом порассаживали их по вагонам»²².

Безусловно, такие проводы заставляли солдат буквально бросаться в бой и вся русская армия была несколько обескуражена медленным началом войны. Русский военный корреспондент В. Крестовский писал в своих заметках: «Бездействие армии, собранной в Бессарабии, начинает заметно томить ее, ввиду неопределенности дипломатических решений... Настает период сомнений в силе армии и государства, в силе ее внешних союзов. Интимные разговоры в кружках на этот счет становятся все громче и чаще. Зачастую слышишь отзвув, исполненные горечи и иронии, что мы-де никуда не двинемся и лишь дай бог назад-то уйти без особого срама. Кишиневскую стоянку, по примеру «Азовского сидения», уже окрестили именем «Кишиневского сидения» и говорят, что армии будут розданы медали с надписью «туда и обратно»»²³.

Военный историк и мемуарист М. М. Поземковский²⁴ первым постарался рассмотреть изменение состояния русского солдата непосредственно на фронтах Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. По всей видимости, на Поземковского оказало серьезное влияние литературное творчество Л. Н. Толстого, в частности «Севастопольские рассказы». В ряде случаев Михаил Михайлович старался даже подражать Льву Николаевичу Толстому. Особенно это заметно при характеристике внутреннего, психологического состояния русского солдата: «... само собой разумеется, нервная система человека испытывает такое страшное напряжение и сам он переполняется таким, гнетущим все его существо, чувством, о котором мое слабое перо, конечно, не дает читателю даже и приблизительного понятия... бывают минуты, когда храбрость человека обуславливается всецело степенью его бессознательности. И счастлив же тот субъект, которому бывает присуща эта

бессознательность в подобные страшные минуты...»²⁵. Отношение же русского солдата к войне 1877–1878 гг. в изображении Поземковского было совершенно не типичным для большинства воспоминаний, т. е. не было представлено особого желания «освободить братушек». С другой стороны, мемуарист высказывает предположение, что русскому воинству надоела казарменная жизнь, все жаждали перемен.

Несмотря на то что о солдатах офицеры всегда в своих мемуарах отзывались весьма лестно²⁶, длительное стояние на одном месте приводило к различным недоразумениям в отношениях с местным населением. Еще в ходе болгарского и сербского восстаний бывали случаи убийства местных жителей и мародерства со стороны русских солдат-добровольцев²⁷. Но в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в прессе старались такие случаи не освещать, а наоборот, показывать лишь положительные стороны русского солдата.

Необходимо отметить, что русская пресса в этом отношении преуспела, сформировав облик совершенно непогрешимого русского солдата, который думает только об исполнении долга и служении царю и отечеству. Более того, формировался облик совершенно нового, образованного, применительно к условиям 70-х гг. XIX в., солдата.

Примечания

- 1 См.: *Золотарёв В. А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг.: апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 20; *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 21.
- 2 См.: Исторический очерк деятельности военного управления России (1855–1880) : в 12 т. СПб., 1880. Т. 5. С. 121.
- 3 Военная реформа 60–70-х гг. XIX в. включала в себя следующие мероприятия:
 - 1) переход от рекрутчины, т. е. набора солдат лишь от части сословий России, ко всеобщей воинской повинности с одновременным значительным сокращением срока действительной службы;
 - 2) улучшение подготовки офицеров путем перехода от кадетских корпусов к военным гимназиям, дававшим обучаемым в них большой набор общеобразовательных предметов;
 - 3) постепенное изменение самой системы подготовки войск в мирное время, отказ от парадомании, попытку обучить рядовой состав тому, что необходимо на войне;
 - 4) создание военных округов и восстановление корпусов, придававших армии большую децентрализацию.
- 4 См.: *Беляев Н. И.* Указ. соч. С. 42.
- 5 См.: *Гаршин В. М.* Первая книга рассказов. СПб., 1885.
- 6 Цит. по.: *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. СПб., 1923. С. 266.
- 7 См.: Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898–1911. Вып. 21, ч. II. С. 210.

- ⁸ Лоссовский С. Д. Забава и дело в казарме // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 262.
- ⁹ Там же. С. 263.
- ¹⁰ Письмо солдата // Сборник солдатских сочинений. Вып. 1. СПб., 1885. С. 5–6.
- ¹¹ Сборник солдатских сочинений. Вып. 1. СПб., 1885. С. 14.
- ¹² Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 4.
- ¹³ Гуськов С. Походы и действия 70-го пехотного Рязжского полка в войну 1877–1878 гг. (воспоминания вольноопределяющегося). Люблин, 1909. С. 2.
- ¹⁴ См.: Богучарский В. Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии // Современник. 1911. № 3. С. 181.
- ¹⁵ Лоссовский С. Д. Указ. соч. С. 261.
- ¹⁶ А.И.С. В Порадимском госпитале (Правдивое сказание о царе-освободителе и умирающем казаке в 1877 г.) // Разведчик. 1892. № 90. С. 135–236.
- ¹⁷ Наконец, для русских солдат серьезной была еще и религиозная составляющая. Многие рядовые готовы были оставить свои домашние проблемы, лишь бы решить «вековой спор» между мусульманами и христианами: «Тоже семья, слава богу, а я вот все бросил: летом в Сербию ходил, а теперь вот вторично поступил, потому за крест святой идем; я и душу то готов за него положить...»
– Это верно; за гроб господень, за крест идем! Польшались голоса» (Наше житье бытие во время пребывания в турецких войнах. М., 1879. С. 18).
- ¹⁸ Сборник солдатских сочинений. Вып. 1. СПб., 1885. С. 16.
- ¹⁹ Там же. С. 15.
- ²⁰ См.: Ладария И. На заре моей жизни (Воспоминания абхазского крестьянина из времени последней Русско-турецкой войны) // Исторический вестник. 1891. № 10. С. 109–118.
- ²¹ Энгельгардт А. Из деревни // Отечественные записки. 1882. № 2. С. 322.
- ²² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 485. Оп. 1. Д. 398. Л. 3.
- ²³ Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878) : в 2 т. СПб., 1879. Т. 1. С. 8–9.
- ²⁴ См.: Поземковский М. М. Описание боевой деятельности в 1877–1878 гг. 155 пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка. Тифлис, 1888. ; Он же. Описание боевой жизни 155-го пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878 годов. Тифлис, 1881.
- ²⁵ Поземковский М. М. На батарее и в траншеях (Картины боевой жизни под Карсом) // Сборник военных рассказов. СПб., 1879. Т. 5. С. 262.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 398. Л. 5. Так же в восторженных тонах описывают русского солдата и многочисленные корреспонденты, находящиеся в русской армии. Корреспондент «Temps» писал: «Русская армия превзошла самые смелые ожидания. Я не могу нахвалиться добрыми отношениями русских офицеров и солдат к населению Румынии. С обеих сторон, русской и румынской, слышатся заявления искреннего удивления ввиду тех успехов, какие сделаны обоими народами после войны 1854 года. Казаки, особенно молодежь, также поразили французского корреспондента своим поведением и большим добродушием» (Северный вестник. 1877. № 29. С. 2). Отличное состояние и поведение русских солдат подтверждают и русские корреспонденты: «Дисциплина наших войск отличная, в чем я сам мог убедиться, проезжая с войсковым поездом. На одной станции с нашего поезда несколько солдат вышли нарвать на лугу травы для своих лошадей; хотя трава, разумеется, ничего не стоит при таких тучных пастбищах, какие существуют здесь, но из дома вышла румынка и пристыдила солдат, сказав, что “до сих пор, сколько уже ваших проехало, а ни один из них ничего даже пальцем не тронул”. Этим немногих слов скупой румынки было достаточно, чтобы остановить солдат. Вообще, как видно, нигде местные жители не жалуются на русских и весьма довольны их поведением. Мне рассказывал один из встретившихся здесь немцев, что сначала в Румынии опасались русских черкесов и казаков до того, что даже рассылали их описания для предупреждения жителей; но потом вскоре убедились, что бояться нечего. Ко мне самому, прибавил немец, поставлены на постой 50 казаков, и я до сих пор не могу на них пожаловаться. Напротив, румынские войска, как видно, не обладают такой дисциплиной. Так, например, сообщают, что стоявшие в Журжеве румынские войска вызвали недовольство и ропот со стороны местных жителей, и последние были весьма довольны, когда румынские войска сменились русскими» (Анекдотические истории текущей войны. СПб., 1877. С. 11–12). Далее корреспондент добавляет: «Дисциплина, как говорят, превзошла все ожидания. Нигде местные жители не жалуются на наших солдат. В то время, когда я был в Петербурге, мне не всегда верилось всему тому, что писали о блестящем состоянии наших армий; а теперь всем неверующим я бы посоветовал прибыть сюда и убедиться самим на месте» (Там же. С. 12).
- ²⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1750. Оп. 2. Д. 60. Л. 6.